Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Самое важное

— И-и-и-и готово!

Зима была теплая. Горыныч не помнил, когда в последний раз застал декабрьские морозы и снег. Лет пять уже не было ни того, ни другого; под ногами у Горыныча хлюпало, а полы его куртки крыльями раздувались на ветру — теплом и ароматизированном хвоей. Климатические купола ни хера не справлялись с глобальным потеплением, но позволяли нюхать еловый лес вместо бензиновой вонищи.

Подумать только — Вояджер-4 пачками шлет фотографии Проксима Центавры, Нейро Инк. снимает с людей цифровые слепки и обещает через год «распечатать» по ним первую живую особь, азиаты пересобрали геном червя и перешли на крыс, а что делать с глобальным потеплением — никто так и не придумал.

Светлое, мать его, будущее.

Никита ждал Горыныча у обочины, сунув руки в карманы потертых штанов. Посмотреть на них двоих — ни дать ни взять, вчерашние студенты, которые ищут, где бухнуть на халяву. Присмотреться получше — и станут видны морщинки в уголках рта, резкие тени у глаз и брендовые шмотки, каждая потертость на которых стоит лишнюю сотню баксов. Плечи у Горыныча были широкие, волосы — русые и густые, коротко стриженные на затылке и висках. Бедного студента он напоминал только простецкой одежкой, стоимость которой объясняли лейблы.

Приблизившись к Никите, Горыныч помахал ладонью — на ней синей шариковой ручкой было написано имя и россыпь цифр. — Блядь, Горыныч! — осуждающе сказал Никита. — Взрослый мужик уже. Остепениться пора, а не клеить на улице грудастых телок. — Остепенюсь, — пообещал Горыныч. — Вот прямо с ней и остепенюсь. Забацаем пару детишек, построим дом, посадим дерево...

В праздники он имел моральное право на любую херню. Никакой растаможки мрамора, никаких переговоров и никаких людей, с придыханием произносящих его имя и отчество. Все, чего хотелось Горынычу — стрельнуть номерок у шикарной телки, звонить которой он не станет, безобразно нажраться с Никитой, а затем просадить кучу бабла в покер. Горыныч так и не научился в него играть. — Ага, пару детишек ему... — Бля, зуб даю! Готовь шаферский тост. — Иди нахер, не хочу быть шафером, хочу тамадой... А все потому что белый. Белый, вот такой, и четыре раза.

Горыныч повернул голову.

— Чего?

— Нормальный показатель, — сказал Никита. Лица у него не было. Были потертые штаны, кожаная куртка и пустота над ней. Словно баг в компьютерной игре. — Несколько льдин снизу вверх, а потом спляшет.

Внутри головы что-то хрустнуло — мозг отказался понимать, что происходит. Горыныч зажмурился, будто в глаза ему попал песок.

А потом проснулся.

Или нет.

Или черт знает, что это такое вообще было.

— Нейронная сеть стабильна, — сказал голос над ним.

— Инициирую тест номер три.
Горыныч и был, и не был, существовал и нет. Он не мог двигаться, не жил и не спал, и даже мысли его были пустыми и ватными.
— Запуск нейромедиаторов.
— Вкатите ему гормонов...
— Слепок плохой, куда ему гормоны...
Он меньше песчинки, меньше молекулы; он — самое крошечное, что есть в этом мире. Атом, замерший на острие иглы. Он срывается оттуда и падает, падает... он будет падать бесконечно.
— Процесс пошел...
— Ты смотри! А я думал, зря на него время тратим.
Первым к Горынычу вернулось зрение. На уровне глаз обозначилось женское лицо — бархатно-алые губы, маленький подбородок... Горыныч хотел увидеть остальное, но глазные яблоки не двигались.
— Есть отклик.
— Подключаем аппаратуру.
Он видел много баб с ярко накрашенными губами, но здесь не было ни блесток, ни лаковой липкости. Помада у незнакомки была матовая, алым вельветом очерчивающая контур её губ. Ох, что это были за губы...
— Добавьте окситоцина.
— Слушай, а у него неплохие показатели...
В следующую секунду Горыныч понял одно — может, глазные яблоки у него и не двигаются, но в остальном всё не так уж плохо. Руки-ноги есть — вот же они, Горыныч их чувствует, просто пошевелить не может. А хуй он чувствует еще лучше — трудно не ощущать, как на твой член насаживается жадное гибкое тело.
Горыныча трахали.
Или он очень ярко галлюцинировал. Сбрасывать такой вариант со счетов он не спешил.
— Проводимость в норме. Нервные волокна распечатаны без дефектов.
— А ты говорил — плохой слепок, плохой слепок...
Кем бы ни была эта баба, она претендовала на самый сомнительный секс в его жизни. Горыныч чувствовал тяжесть её тела и нежную, восхитительно гладкую кожу бедер. Чувствовал ладони, упирающиеся в его грудь чуть пониже сосков. Чувствовал горячее и мягкое там, внутри, где всё раскрывается, как чертов бутон. Неужели ей в кайф — трахаться с коматозником? Или он не коматозник? Может быть, он...
— Настраиваем гормональный фон.
— Артериальное давление растет. Спазмы мимической мускулатуры...
Женщина двигалась на нем, и каждый толчок, каждое скупое, упоительное в своей простоте движение разжигало в Горыныче злость. Какого хера, какого хера... Первое правило хорошего тона: не еби ближнего своего, если у него башка не варит и руки не двигаются.
Незнакомка с силой насадилась на его член, а затем склонилась так низко, будто собралась поцеловать. Горыныч хотел заглянуть ей в глаза, но видел только чертовы губы и то, что под ними — когда женщина двигалась, в поле зрения попадала то её шея, то округлая ямочка между ключиц. Даже грудь — черт, у нимфы с такими губами просто обязана быть шикарная грудь! — так вот, даже грудь её Горыныч не видел. Из-за всего этого хотелось орать; хотелось

вырваться из вязкого медикаментозного транса и ухватить незнакомку за руки, стащить её с себя, швырнуть спиной на постель — или стол, или на чем там они были! Хотелось провести пальцами по её лицу и ухватить за подбородок, впиваясь поцелуем в алые бархатистые губы, такие матовые, так идеально очерченные, что даже не важно, какое лицо к ним прилагается — красивое или нет.

— Нейротрансляция возможна. Результат теста — положительный.

— Все, отрубай его.

— Предлагаю хапнуть по кофейку, а то я упарился уже с этими тестами. Отчет заполним после обеда.

— Да, пожалуй...

Вот мудаки. Не надо его отрубать, еще секунду, еще, еще... Он же скоро кончит, пожалуйста, господи, пожалуйста, не смейте, вас бы на его место, бляди ебучие, дайте ему кон...

* * *

Горыныч включился, как лампочка.

Не будь он привязан — взвился бы на ноги, опрокинув стул, но его крепко-накрепко распяли в кресле с металлическими подлокотниками. Сердце колотилось, словно он бежал, правую почку разрывало от боли, а во рту было горько и солоно — так, будто его сейчас стошнит.

Вот блядь...

— Андрей! — с воодушевлением воскликнул старческий голос. — Андрей, всё в порядке! Не дергайся.

Горыныч не дергался. Только сжал пальцы в кулаки, клеточка за клеточкой собирая свое тело воедино. Вот его руки... Вот его ноги. Почки на месте, и боль с каждой секундой становится всё слабее. Стояка не было. Нимфы с алыми губами — тоже.

Помедлив, Горыныч оторвал взгляд от коленей и уставился прямо перед собой.

— Андрей А-лек-сеевич Горынин, — по слогам зачитал благообразный старичок, сидящий напротив. На столе перед ним лежала открытая папка. — Вы прошли отбор из тысяч кандидатов. Мои поздравления!

С «ты» на «вы» он прыгал, как через скакалку.

За спиной у старичка было окно во всю стену. Горыныч не обратил на него внимания: Москва как Москва, ничего такого, чего он раньше не видел. Вместо разглядывания местности он пошевелил губами, словно вспоминая, как это — говорить. А потом сказал:

— Где я?

— В безопасности, — сказал старичок. — Позвольте представиться: Казимир Ларичкин, руководитель депар...

— Я и раньше был в безопасности, — сказал Горыныч, перебивая старика без капли сожаления. — Почему я здесь?

— Вы здесь, — ласково сказал старичок, — потому что лучшего соискателя на должность нам не найти.Не волнуйтесь, Андрей, все в порядке. Запуск мыслительной деятельности — страшный стресс... Не было никакого стресса. Точнее, был, но исключительно потому, что его руки были металлическими кольцами прикреплены к подлокотникам.

— Где я? Почему я тут?

— Андрей, вас восстановили по цифровому слепку в рамках программы департамента развлечений. Мы предлагаем вам работу.

— У меня есть работа, — отрезал Горыныч. Потянул запястья, проверяя металл на крепость,

но чего уж там — металл был металлом. Тяни, не тяни, толку не будет.
— У вас БЫЛА работа, — сказал старичок, закрывая папку. — Примерно два с половиной столетия тому назад.
Розыгрыш был так себе. На троечку с плюсом.
— Отпустите меня, — дипломатичным тоном предложил Горыныч. — И мы забудем об этой херне, как о досадном недоразумении.
— Вы не у себя дома, — мягко сказал старичок. — Не в своей стране и даже не в своем времени. Вы участвовали в программе Нейро Инк. по созданию цифровых слепков. Вы это помните?
« — Бля, зуб даю! Готовь шаферский тост.
— Иди нахер, не хочу быть шафером, хочу тамадой...»
Нет, не то...
« — Да ладно, это прикольно. Это как капсула времени — можно оставить слепок себя, который распечатают спустя пару поколений. Познакомишься с внуками!
— Звучит, как полное дерьмо.
— Ну давай! Посылали же мы свои фотки на Марс, а это еще круче.»
Горыныч опустил голову, молча уставившись на сжатый кулак. А потом медленно, один за другим разжал пальцы, начиная с мизинца.
На ладони виднелось полустертое женское имя и набор цифр.
— Если это развод, то он хуевый, — сказал Горыныч. — У меня с ладони еще чернила не стерлись. На мне те же шмотки, в которые я был одет. Сегодня тот же день, который...
— Андрей, — еще мягче сказал старичок. Если бы его голосом можно было набивать подушки, это были бы самые воздушные подушки на свете. — Андрей, по какому принципу работают сканеры Нейро Инк.?
Биопринтеры и биосканеры, а-а-а-ахеренная разработка, которая стоила человечеству дороже, чем три марсианские программы. Состояние тканей сканировалось и воспроизводилось в точности, и уже через год Нейро Инк. обещали перейти с производства донорских органов на полноценное клонирование.
— Биопринтеры восстанавливают цифровой слепок полностью, — сказал старичок. Его узловатые пальцы равнодушно елозили по закрытой папке. — Полностью...
Горыныч неопределенно повел плечом.
— Восстановленную особь не выращивают из яйцеклетки, — пояснили ему. — Её ткут волоконце за волоконцем, клетка за клеткой. Воспроизводят даже импульсы в мозгу, кусок остаточной памяти, одежду, надписи на коже, татуировки... у вас есть татуировки?
Горыныч молчал. Татуировки у него были, но что с того?
— Для биопринтера нет разницы, где на вашем теле чернила, где кровь, а где одежда, — сказал старичок. — Объект восстанавливается полностью — именно таким, каким он был на момент сканирования. С тем же химическим составом. С тем же набором дефектов. С той же архитектурой нейронных сетей. Просто вы были там... а теперь вы здесь. Поздравляю.
Горыныч взглянул без него без единой эмоции. Наверное, еще не верил до конца... Нет, конечно не верил. А Никита за такие розыгрыши не досчитается пары зубов.
— Я «восстановлен в рамках программы департамента развлечений»? — спросил Горыныч, устав от собственного молчания. — И за каким хуем я департаменту развлечений?
— О-о-о, — оживился старичок. — О! Вы, люди две тысячи двадцать шестого, обладаете

такими чудесными мозгами! Такими восхитительными, яркими мозгами! Мы, знаете ли, уже пару поколений как не практикуем секс...

— Что-то не уловил, — вяло откликнулся Горыныч. — При чем тут мои мозги к вашему сексу?

— Секс, — сказал старичок, наклонившись к столу, словно пытаясь заглянуть Горынычу в глаза, — это так грязно и нестерильно, так животно и грубо... и того не стоит. А вот оргазмы того стоят, но не провода же себе к мозгам прикреплять, мы же не животные!

Горыныч твердо решил, что пары зубов не досчитается не только Никита. С такими шуточками...

— Вы мало что знаете о нашем мире, мой мальчик, — сообщил старик. И выпрямился, накрыв папку ладонями. — Оргазмы тут поставляются, как спиртное, причем даже не элитное — просто спиртное, бокальчик-другой для тонуса и доброго расположения духа. К сожалению, нам нужны производители этого прелестного нейрохимического напитка. Те, кто жил в другое время, и кто умеет всё это грязное и нестерильное... И даже делает это с большим удовольствием.

Шутка совсем перестала быть смешной. Горыныч наклонил голову, разглядывая надпись на ладони. Это «Лана»? Или «Лена»? Завитушка буквы «Л» была совершенно отчетливая, а дальше чернила поплыли, и разобрать имя не получалось.

Горынычу вдруг стало очень тоскливо.

— Нам нужны люди вне системы, — сказал старичок, лучась добром, пониманием и деловой хваткой. — Вы делаете грязное дело, которое мои современники уже давно не практикуют, а мы снимаем слепок процессов, протекающих в вашем мозгу, воспроизводим его и продаем массовому потребителю. Поверьте, ваши труды будут щедро вознаграждены!

— А не пошли бы вы... — сказал Горыныч.

Дверь за его спиной с грохотом распахнулась.

— Валера! — старичок подпрыгнул, как ужаленный. Мягонькие старческие черты сложились в раздраженную гримасу. — Я же просил меня не...

— Ларичкин, сраный ты хуеплет!

Имя «Валера» подходило амбалам, чьи плечи едва протискиваются в дверь. Вертлявым фрикам в драных джинсах. Деловым мужикам, которым Горыныч жал руки, а потом угощал коллекционной беленькой в честь состоявшейся сделки. Имя «Валера» много с кем у него ассоциировалось, но уж точно не вязалось с женским голосом. Глубоким, восхитительно сексуальным, полным презрения голосом, который не портили даже ругательства.

— Знакомься, Андрей, — устало сказал старичок, внезапно обмякнув и опустившись в кресло. — Это Валера, мой страшный сон.

— Я твой эротический кошмар, старый ты хрен, — твердо сказал женский голос. — И если ты будешь встречаться с соискателями без меня, я откошмарю тебя так, что у тебя хер и яйца местами перепутаются.

— Прости Валеру, — без раздражения в голосе сказал старик. — Она несколько... экспрессивна в выражениях.

Горыныч чуть шею себе не свернул, пытаясь оглянуться.

— Уже сто раз говорила и повторю сто первый: для тебя — Валерия, — сказала незнакомка. Ее светлые волосы были убраны в высокую прическу, губы — покрыты яркой матовой помадой. Если бы у безумия был цвет, это был бы сиреневый.

Горыныч узнал эти губы. Не мог не узнать.

— Мы с тобой трахались, — сказал он быстрее, чем успел обдумать эту мысль. И добавил в голос немножко сомнения. — Мы с тобой трахались?..

Девушка коротко на него взглянула. Ни капли интереса в ее глазах не нашлось, и Горыныч сник плечами. Её синее платье было целомудренно закрыто на груди, оголяя лишь руки, а разрез на подоле — совершенно непошлый, маленький разрез шириной с ладонь, — едва приоткрывал колено. Всего лишь колено, нежную, округлую девичью коленку, — но Горыныч сглотнул, дернув кадыком. Было в этой закрытости что-то дразнящее. Лучше, чем в оголенных телесах стриптизерш. Что-то такое, из-за чего хотелось ухватить краешек платья в кулак и рвануть его, раздирая по шву, словно снимая обертку с конфеты.

От такой конфетки Горыныч бы не отказался.

— Сладкий, внимательно посмотри на меня, — сказала девушка. А затем наклонилась, упираясь рукой в подлокотник его кресла. — Сейчас я одета? — Да, — неуверенно ответил Горыныч. — Но... — А ты одет? — Да, но... — Возможно ли, что я присутствую в этом помещении по делу? — спросила девушка. — А не потому, что хочу сорвать с тебя одежду и овладеть тобой на столе этого дряхлого пидараса? — Было бы заебись, — признался Горыныч. — Но если ты против...

Девушка — даже думать о ней, как о «Валере», Горынычу было некомфортно, — выпрямилась и подошла к столу Ларичкина. Вытащила папку из-под его руки, пошелестела страницами. — Андрей Горынин, значит, — сказала она. Всмотрелась в один из листов. — Тебе нужно жрать больше овощей, Андрей Горынин. Скоро весь изнутри покроешься холестериновыми бляшками.

— Кажется, мне тут предлагают роль порнозвезды, — поделился Горыныч. — Будешь моим диетологом?

— Хоть фитнес-тренера себе найми, когда подпишем контракт, — разрешила девушка. А потом громко велела: — Отпусти его!

— Но я... — Горыныч разжал ладони, всем своим видом показывая, что отпускать ему нечего.

— Отпусти его сейчас же! — рявкнула девушка, и Горыныч почувствовал, как ослабевает натяжение в металлических браслетах, а потом они, звякнув, повисают на запястьях. Магнитное поле, которое крепило его руки к подлокотникам, пропало.

— Все для моей девочки, — сказал Ларичкин, и его голос можно было использовать в лабораторных экспериментах вместо жидкого азота.

Горыныч потер запястья, наслаждаясь уже подзабытым чувством рукоблудной свободы. Девушка свернула папку и бросила ее на стол.

— Пойдем, покажу тебе город.

— Валера, — Ларичкин взглянул на неё с укоризной. — Я же просил — до тех пор, пока контракт с соискателем не подписан...

— А ты меня останови, — сказала девушка и развернулась.

Умопомрачительная сука на умопомрачительной высоты каблуках. Её закрытое платье сзади смотрелось еще неприличнее — ткань облегала выпуклые ягодицы и плавную линию бедер, и Горыныч невольно засмотрелся, забыв встать.

— Быстро! — крикнула девушка, не оборачиваясь, и Горыныч вскочил, едва не запутавшись в ногах. * * *

Чтобы поверить в то, что шутка — вовсе не шутка, Горынычу потребовалось полчаса путешествий по замысловатой системе лифтовых шахт и скоростных тоннелей. А затем —

тридцать секунд наверху.
«Наверху» — это над городом; там, где на немыслимой высоте раскинулся гигантский парк. Москвы больше не было — была монолитная структура, пронизанная лентами метро и шахтами лифтов, живая, дышащая фильтрованным воздухом, слепленная, словно пчелиные соты, из ячеек-квартир, ячеек-офисов, ячеек-супермаркетов. Не было больше отдельных домов — они срослись в чудовищное, уродливое нечто, сверху увенчанное бесконечным раскидистым парком.
На выходе из лифта Валера взяла им зонт — климатический купол изливался теплым оросительным дождем, — и пояснила: только с крыш можно увидеть небо. Что такое «окна в стене», жители мегаполисов давно забыли.
Небо оказалось темным. Смотреть было не на что.
— Вот херня, — грустно сказал Горыныч. — То есть я и правда...
— Ты и правда распечатан, — Валера раскрыла прозрачный зонт. Ей пришлась высоко поднять руку — Горыныч возвышался над ней сантиметров на двадцать, и укрыть его от дождя было непросто. — Ты создан по слепку, сделанному прорву лет тому назад.
Судя по карте, парк был бесконечным. Горыныч долго рассматривал схему, и даже нашел рождественскую секцию, создатели которой обещали посетителям снег и мороз. Подумав, Горыныч не отыскал в себе новогоднего настроения, смял карту и сунул её в карман.
— Окно в кабинете Ларичкина...
— Многие пользуются экранами. Приятно, знаешь ли, не чувствовать себя в гробу.
Горыныч помолчал, сунув руки в карманы расстегнутой куртки.и наша аппаратура не может считать твой оргазм, то нахрена ты нам? — То есть мы с тобой... тестировались?
— Нет.
— Но ты сказала!..
— Подрочишь на меня в душе, а сейчас держи себя в руках.
— Я не собираюсь на тебя...
— Твое тестирование проводила Таша. Поговори о своих сексуальных проблемах с ней.
— Но я помню...
— Нет.
— Но твоя помада...
— Нет.
— Но!
— Горынин, ну ты и баба. Ты со мной не спал, смирись.
— Горыныч.
— Что?
Они вошли в лифт вместе с дюжиной других людей, и Горыныча оттеснили от Валеры. Не собираясь откладывать официальное знакомство, он пропихнул руку между полной дамой и её великовозрастным отпрыском... а может, супругом, недавно переселившимся в новое тело?
— Я — Горыныч.
Пару секунд Валера смотрела на его раскрытую ладонь, а затем вложила в неё пальцы, медленно пожимая.
Внутри стало очень-очень тепло, будто разом наступили Новый год, Рождество и Пасха в придачу. Новый мир был отстойным, но Горыныч, кажется, мог с ним смириться.
* * *

Новый мир был отстойным.
Безо всяких «но».
— Блядь, оно болит!
— Чува-а-ак, оно скоро заживет, не ной.
— Валера сказала, что трахаться придется с парой датчиков на лбу, а не с этим!
— Валера много чего говорит. Дай, посмотрю... всё у тебя нормально, сраный ты ипохондрик.
Утром Горынычу установили экзохард — внешний жесткий диск, тщательно конспектирующий его мозговые процессы. Занятно: единственной ценностью, которую могли добыть из головы Горыныча в две тысячи двести хрен знает каком году, были оргазмы.
Унизительнее некуда.
Экзохард изогнутой пластиной покоился за ушной раковиной, одним длинным отростком проникая в череп и соединяясь с мозгом. Ипохондрик ты или нет, но херня, в буквальном смысле щекочущая тебе извилины, наводит тоску. Осмотрев экзохард, Михай отлип от головы Горыныча и плюхнулся задом на широкий диван. Включил коммуникатор, собравшись смотреть новости, но потерял к ним интерес и вернул коммуникатор на живот, скрестив поверх него руки. Настроение Михая менялось, как ветер по весне.
— Боишься?
— Кого? — уточнил Горыныч. — Пигалицы, которую мне поставили в пару?
— Но-но, чувак, Ташу не трожь, она клёвая...
В Таше было сто шестьдесят сантиметров роста. Дерзкое каре, курносый нос, и глаза такие... с обидой, что ли. Будто Горыныч был в чем-то перед ней виноват.
Распечатанных парней и девушек в департаменте развлечений было немного, но знакомство с ними — квест, с которым Горыныч не справился. Все «распечатки» пропадали то в городе, нажираясь цветными молекулярными коктейлями, то в лабораториях, бурно кончая, крича и обеспечивая Ларичкина сотнями свежих оргазмов. Социальной жизни у них не было — местные относились к «распечаткам» со смесью любопытства и брезгливости. Рано или поздно брезгливость перевешивала, так что ни друзей, ни любовников у них не водилось.
Михай был соседом Горыныча. Не по жилью — по годам; его отсканировали в две тысячи двадцать восьмом. Он был темноглазый и темноволосый, с колкой щетиной и улыбчивым ртом, бурной жестикуляцией и манерой ставить окружающим диагнозы, вычитанные в интернете. С ипохондрией он познакомился на днях в чьем-то блоге.
— Мы с Ташей работали почти месяц, и ни разу, вот ни разу ни одной бабской истерики. Отличная деваха, такая, знаешь, без лишних понтов. О, а вон Толик притащился... Опять опаздывает, а ему назначали на три. Мне на половину четвертого, а я пришел раньше него. Сечешь? Ты знаком с Толиком? Он забавный чувак, но такой, знаешь, со своими тараканами...
Михай был удобным собеседником. Он не нуждался в диалоге, поддерживая разговор в режиме саморазвлечения.
— Матерится, как студент-первокурсник, заваливший сессию, — сообщил он, загибая палец. — Бухает, как студент-пятикурсник после защиты диплома. До попадания сюда не имел за душой ничего дороже гондона и жетончика метро. Как студент... ну ты понял. Как любой студент. А вон его ебнутая, сквернословящая и задолжавшая мне вискарь вторая половина...
Судя по силуэту, «вторая половина» Толика была мужиком.
— В том смысле, что они?... — удивился Горыныч.
— В том смысле, что они братья, — пояснил Михай, почесав ногтями щетину. — Близнецы.

Толик был тестовым образцом, распечатанным столько раз, сколько понадобилось департаменту развлечений для отладки принтера. Почти все его копии были списаны в утиль, но двум из них — самым жизнеспособным, — пришлось мириться с существованием друг друга.

— А вон Диана... — мечтательно протянул Михай. И тут же вскочил, отбросив коммуникатор. — Всё, я пошел.

Он был высокий и нескладный, но черная одежда скрадывала эту неловкость. Если долго смотреть на Михая, на улыбчивые складки в уголках его рта и резкие движения рук, то в нем начинало мерещиться что-то хищное. Что-то такое... не вяжущееся с дружелюбным образом рубахи-парня.

Диана уже раздевалась в соседнем помещении, отделенном от комнаты ожидания только стеклянной стеной. Здесь всё было таким — стеклянным. Помещения-аквариумы, шныряющие мимо техники, белые кровати и пошлые атласные простыни. Первым, что убивалось в такой обстановке, был стыд. Вторым — сексуальность.

Это не было отличительной чертой лабораторий — люди, запертые в каменном ящике размером с город, стремились к внутренней свободе. Стеклянные стены — в квартирах и кафешках, в офисах и магазинах, — создавали странную, но завораживающую иллюзию простора.

Горыныч смотрел, как Михай с Дианой лениво раскуривают по электронной сигаретке, а потом стаскивают друг с друга штаны — торопливые и жадные, словно это не они трахаются по работе трижды на дню. Михай целовал свою женщину, запустив пальцы в длинные клубнично-розовые волосы, а Диана стонала, оседлав его бедра, цеплялась за плечи ногтями и насаживалась снова, и снова, и снова. В них было что-то ослепительно чистое и острое, как лезвие ножа, но при этом не было ни капли возбуждающего. Словно Горыныч смотрел программу о размножении львов.

Что за оргазмы будут в таком аквариуме? — подумал он, вставая навстречу Таше.

Кому из клиентов нужен такой ширпотреб?

— Прости, — сказала Таша, сдергивая шапку с волос. Голос у неё был хрипловатый, и не вязался с внешностью сладкой нимфетки. — Пробки на шестнадцатом уровне. Там всегда пробки... Каждый раз о них забываю, когда спешу.

На Таше было короткое облегающее платье, черные шерстяные чулки и распахнутая куртка. Волосы, остриженные до мочек ушей, были взлохмачены, и из-за этого Таша выглядела лет на четырнадцать. Добравшись до отведенного им «аквариума», она вытащила из рюкзака пару сигарет и бросила одну Горынычу.

— Твой экземпляр.

Тот покрутил сигарету в пальцах.

— Это что?

— Гарантия того, что мы будем трахаться с полной самоотдачей, — сказала Таша, задирая короткое платьице и первой делая затяг. Поперхнулась паром и закашлялась, прижав к губам тыльную сторону ладони. — То ли гормоны... то ли что-то там... я не запомнила.

У пара был странный вкус — как у ломтика сливочного масла. Горыныч выдохнул в потолок, усевшись на край белоснежной простели.

— Круто, да? — сказала Таша. И отложила сигарету, спокойно опустившись между бедер Горыныча. Помогла ему избавиться от рубашки, а после — расстегнула молнию штанов, не

глядя на него и не мешая курить.
Сосала она хорошо. Так хорошо, что Горыныч опустил ресницы, дернув кадыком, и зачем-то широко раскинул руки. Словно летел. Улетал. А-а-а-ахуенные сигареты; они объяснили Горынычу, как можно упоительно трахаться и кончать в этом стеклянном аду.
Возбуждение тугой пружиной собиралось внизу живота, стекая по раскинутым рукам, по мощным плечам и твердому татуированному боку. Возбуждение накручивалось на него виток за витком, жгучее и нестерпимое, и спустя минуту Ташиных губ стало мучительно мало.
— Иди сюда.
Сперва он избавил её от лифчика — стянул бретельки с тонких девчачьих плеч, отщелкнул застежку и освободил от черного кружева маленькие бледные груди. Потом толкнул её на постель и обвел языком правый сосок, наслаждаясь каждой секундой их накуренного секса. Таша уперлась пятками в простыню и послушно приподняла зад, позволяя стянуть по бедрам тонкие трусики. Шерстяные чулки Горыныч оставил. Они забавно кололись и контрастировали с бледной Ташиной кожей — черное на белом. Красиво...
— Эй, — Горыныч оторвался от её груди, устав терзать зубами покрасневший сосок. А потом не удержался и снова обхватил его губами, медленно обвел кончиком языка, сдавливая и покусывая, заставляя Ташу отрывисто стонать. — Это ты... ты меня тестировала?
— Я.
Горыныч раздвигал коленом её бедра и твердо знал: она врет. Маленькая потаскушка, прогнувшаяся под Валеру.
— Уверена?
— Ты дурак?
У Таши были мягкие губы и бальзам с ароматом ирисок. Ничего матового и ничего яркого. Её поцелуи были долгими и карамельными, груди — маленькими и идеально ложащимися в ладони, а между ног у неё было влажно и жарко. Когда Горыныч толкнулся, погружаясь в неё сантиметр за сантиметром, Таша вскрикнула и прогнулась, крепко обхватывая его бедра ногами. Девственница, блядь... Обжигающе горячая и узкая, она млела под Горынычем, обнимая его руками за шею, а после — яростно скакала на нем, как куница по весне. Они сбили атласные простыни до самого пола, разбросали подушки и под конец сверзились с кровати, расшибив Горынычу локоть.
Такого охуенного секса у него еще не было.
Кто бы в департаменте развлечений ни отвечал за эти сигареты, он свое дело знал.
* * *
Уже потом, отдышавшись, Горыныч поднял голову и увидел, как за стеклом Валера беседует с кем-то из технарей. На ней было платье-футляр, белое и такое узкое, что Горыныч подумал: ходить в нем нельзя, только телепортироваться с место на место. Валера повернула голову и скользнула по ним с Ташей равнодушным взглядом. Губы у неё были карамельно-розовые.
Всё удовольствие от секса, — от безумного, прекрасного накуренного секса, — как рукой сняло. Горыныч сплюнул в мятые простыни и отвернулся.
* * *
В первое время он вообще не мог спать. Потом стало и легче, и сложнее в один и тот же момент: к Горынычу вернулся сон, а вместе с ним и сновидения. В этих снах он бесконечно болтал с Никитой о грудастых телках и их номерках, о «капсулах времени» и сканировании в Нейро Инк., о свадьбах и похоронах, о теплой зиме и о том, что «новый год в казино —

скучно; может, махнем на лыжи?»

Горыныч пытался вспомнить девушку, которая оставила ему номер, но терпел поражение за поражением. Вместо её образа всплывали четко очерченные матовые губы — то сиреневые, то шоколадно-коричневые, то кирпично-красные. Мозг совал Валеру в каждый его сон, и Горыныч просыпался злым и раздраженным, не сумев отдохнуть. Ему важно было вспомнить ту девушку — Лену? Или Лану?... Она была кусочком паззла, ломтиком его жизни, и Горыныч хотел увидеть её саму, а не липнущий поверх неё образ Валеры. Эта чертова женщина командовала его жизнью днем, а теперь являлась к Горынычу и ночью, мешая рассмотреть самое важное — то, что выпало из его памяти в момент сканирования. То, что ему очень-очень хотелось вернуть.

Проснувшись и провалявшись в кровати минут десять, Горыныч включил свет и взял с прикроватной полки мятую бумажку. Коварная завитушка в букве «Л», скупой набор цифр... Он скопировал надпись с ладони, прежде чем её помыть.

Вышло так себе.

В гостиной горел свет: Михай смотрел телевизор и взбалтывал что-то в шейкере. Ни самого шейкера, ни бутылок, выстроенных перед Михаем в ряд, тут раньше не было.

Горыныч прикрыл лицо ладонью, защищая глаза от света.

— Ты в курсе, что сейчас четыре утра? — спросил он.

Михай закивал, не отвлекаясь на болтовню и разливая по стаканам странного вида коктейль — зеленый, с густыми розовыми прожилками.

— А еще это моя квартира, — сказал Горыныч.

— Признайся, ты мне рад, — потребовал Михай, пододвигая к нему стакан. На стеклянной столешнице остался влажный след.

— В четыре часа утра? — уточнил Горыныч.

Но коктейль взял.

— Опять снилась херня?

— Ага.

— Так и не вспомнил ту девушку?

— Нет...

Горыныч знал, что ему грех жаловаться — у него сохранился довольно обширный кусок биографии, лицо лучшего друга и даже диалог с ним. Другим повезло меньше. Таша помнила только, что умеет играть на виолончели. Толик был вещью в себе — похоже, во время сканирования он был в хлам. Еще неделю после распечатки он не отличал синее от холодного и думал, что он на вписке, просто вписка хуевая. Ни о какой биографии и речи не шло.

Михай мало что о себе помнил, зато сохранил фотографию — она была в нагрудном кармане пиджака и распечаталась вместе с одеждой. На фотографии влюбленная пара шла вдоль полосы прибоя. Женщина с фото была некрасивой, с дряблыми ушками на бедрах и обвисшими складочками на боках. Но удивляло другое: Михай рядом с ней светился, как десять новогодних елок. Как Эдвард Каллен в солнечный день. Как стоваттная лампочка без абажура. Даже сейчас, не помня об этой женщине почти ничего, он подолгу рассматривал фотографию и молчал. А потом шел к Горынычу, чтобы было не так одиноко.

И болтал.

Очень много болтал.

Не было такой силы, которая смогла бы заткнуть Михая, когда ему тоскливо.

—... ну и, в общем, «распечаток» тогда было раз-два и обчелся. Валера и Толик... Оба Толика. На нем отлаживали аппаратуру, тестили и всё такое... Пара его «распечаток» оказались достаточно крепкими, чтобы жить.

И недостаточно адаптированными, — подумал Горыныч, — чтобы за столько лет найти себе занятие получше, чем торговля оргазмами.

— Потом была Валера, — продолжил Михай. — Она уже не работает, ну, как донор ощущений... Давненько уже. Только курирует. Ну, типа, опекает тебя, да меня, да всех остальных. Знаешь, она в свое время пообкусывала руки многим местным правозащитникам...

Валерия-защитница.

Валерия-победоносная.

Валерия, мать её так.

—... пыталась отбить «распечаткам» хоть какие-то права. Что-то отбила... Что-то нет. По крайней мере, с нами теперь заключают контракты, не держат в четырех стенах и отпускают, когда контракт истечет.

— Уверен? — спросил Горыныч, лениво почесывая пальцами татуированный бок. — Как они вообще живут? Те, кто отработал контракт?

— Это ж люди, попавшие в мир будущего, — удивился Михай. — Да их жизнь — это шедевр! Идеал! Их жизнь — это...

— Ты не имеешь ни малейшего представления, куда они деваются, — догадался Горыныч.

— В душе не ебу, — признался Михай.

Помолчал немного, а затем добавил:

— Предпочитаю считать, что им веселее, чем нам сейчас. Иначе в чем смысл?

Смысла не было. Какой вообще может быть смысл во вселенной, где люди клонируют себя, а оргазмы скупают оптом и в розницу?

— Ну а Ларичкин? — спросил Горыныч. — Он тоже?..

— Не-е-ет, он не «распечатка», — отмахнулся Михай. — Просто куратор. Главный куратор, ну, типа, важнее Валеры. Большая шишка и все такое...

— Валера с ним спит?

— С этим старым пидарасом? — изумился Михай. — Если б нужно было выбрать, с кем Валера трахается — с единорогами из волшебной страны или с Ларичкиным, — я бы сделал ставку на единорогов.

Горыныч засмеялся, расплескав зеленое с розовыми прожилками.

— Почему?

— Потому что секс в жизни Валеры — вещь такая же мифическая, как единороги.

Горыныч допил коктейль и посмотрел на свое отражение в стеклянном столе. Язык у него был ядовито-зеленый.

— А я с ней спал, — сказал он. — Ну, в смысле...

Михай с грохотом упустил шейкер. Металлическая крышка отскочила, и по полу разлетелось мартини, лед и еще десяток ингредиентов, назвать которые не смог бы даже он сам.

— Да ладно! — восторженно присвистнул Михай, вытирая руки полотенцем. — В смысле, вы...

— В смысле, она меня тестировала.

Михай настороженно двинул бровью.

— Но я слышал, что Таша...

— Херня, — сомнения Михая вызвали острый укол злости. — Не знаю, за каким хуем Таше врать, но это была не она.
— Ты уверен? — протянул Михай.
— Абсолютно. А еще я уверен, что твои коктейли токсичны, как спрей от тараканов.
— Мои коктейли а-а-ахуенные!
— Ну да.
— Отдай стакан!
— Да щас...
Наверное, Михай ему не поверил. Горынычу было плевать — он-то знал, чье лицо он тогда видел. И хотел бы — не забыл.
Не отрываясь от шейкера и бутылки с лоснящейся лиловой этикеткой, Михай сказал:
— Ты, главное, не придумывай себе лишнего.
Горыныч поднял голову.
— У неё есть парень, — пояснил Михай. — Мы, правда, не видели его ни разу, но он есть. Валера рассказала Толику, а Толик рассказал мне, а я уточнил у Дианы, не знает ли она чего, а она...
Гребаная стерва. Парень у нее есть, ишь ты...
— К тому же, не завидую я тому, кто ебет кралю с такими загонами. Взять к примеру эти ее платья. Ты видел эти платья? Как вообще можно такое снять? Срезать ножницами?
... губы у стервы были бархатными, как лепестки роз. Это вам не херня из любовных романов, это факт: Горыныч помнил, как ощущаются под пальцами мягкие розовые бутоны. Словно живые.
Валера была такая же: вроде живая, а вроде и нет. Прохладная, словно оторванная от этого мира, отстраненная от его обитателей, затянутая в плотную ткань своих платьев и металл украшений. На таких, как она, стоило вешать предупреждающие знаки: не лезь, не лезь! Не смотри в её сторону, даже не думай о ней! Иначе вопьется тебе в мозги, как заноза, и уже не отпустит...
* * *
Голова не болела.
Болело всё остальное. Что бы там не смешивал Михай, этим действительно можно было травить муравьев.
— Блядь...
— С добрым утром, страна! — голос был бодрый. И женский. И очень знакомый. — Вы что там пили? Дихлофос?
Горыныч накрыл лицо ладонью, загораживаясь от света. А потом осторожно выглянул из-за пальцев. Прямо напротив него стояла Валера. Лиственно-зеленое платье облегало её бедра, утягивая и без того тонкую талию. Одной ногой Валера пыталась попасть в туфлю, упавшую на бок, а руками торопливо застегивала сережки.
— Я... — язык был распухший и еле ворочался. — Что я...
— Нажрался в дюпелину и вел себя как животное, — сообщила Валера.
— Господи, — простонал Горыныч. — Я же... я же не...
Девушка засмеялась. С сережками она уже покончила, подхватила с пола упавшую туфлю и надела её, придержав за каблук.
— Расслабься. Даже по пьяни ты ведешь себя, как выпускник семинарии. Завалился ко мне,

отчитал за враньё и сказал, что у меня губы как розы.
Горыныч закрыл лицо руками.
— Прости, я...
—... был бухой, — Валера кивнула и набросила на плечи короткий жакет. — В следующий раз вышвырну к хуям, а не оставлю спать на диване.
— Понял, — Горыныч обреченно кивнул. — Заметано.
— А теперь выметайся, я тороплюсь.
В лабораториях в это время было пустынно, но Горыныч решил, что лучше принять душ и выпить кофе прямо тут, чем тащиться к себе. В одном из «аквариумов» тестировали нового соискателя, и Горыныч задержался, прилипнув лбом к прохладному стеклу. Тестирование напоминало фильм ужасов — биопринтер еще не закончил работу, а если нервные окончания окажутся дефектными, то заканчивать и не будет. У человека на лабораторном столе отсутствовала передняя сторона черепа — мозг был открыт, а глазные яблоки бессмысленно пялились вперед. Руки от локтей и ноги ниже коленей выглядели, как мечта маньяка — распечатанные наполовину, наполненные сосудами и нервными окончаниями, они еще не были укрыты мышцами и кожей. В глубине виднелась белая поверхность костей. Единственное, что было распечатано полностью — область тестирования. Причандалы у соискателя уже были, а черепушка — еще нет.
— Есть отклик.
— Подключаем аппаратуру.
— Поднимаем уровень окситоцина...
Верхом на испытуемом сидела Таша — совершенно голая, с собранными под шапочку волосами и фарфоровой кожей, до скрипа отмытой дезинфицирующим средством. Ни одна волосина, ни единый микроб с её тела не должны были нарушить стерильный покой лаборатории.
— Проводимость в норме.
— Нервные волокна распечатаны без дефектов...
Выходя из «аквариума», Таша коротко взглянула на Горыныча и потуже запахнула халат.
— Ты мне врешь, — сказал Горыныч.
Таша опустила глаза и молча проскользнула мимо него в комнату для переодевания.
* * *
Терпение выглядит, как волос. Очень долго тянется, пружинит в руках, а потом лопнет, словно его и не было.
Терпение Горыныча лопнуло, когда ему во сне вместо девушки, которую он пытался вспомнить, в сотый раз явилась Валера. Улыбнулась своими матовыми, накрашенными персиковой помадой губами, склонила голову и написала на его ладони набор цифр. А потом начала выводить букву «Л» с характерной завитушкой.
Перо царапало кожу, и ощущение было таким реалистичным, что Горыныч, проснувшись, тут же уставился на ладонь.
Надписи не было. Зато были чужие голоса и свет, играющий между стеклянными перегородками. Горыныч встал, кое-как натянул штаны и вышел в гостиную.
— И она такая: упс! А я думала, ты не придешь! А я такой...
— Серьезно? — спросил Горыныч. — В моей квартире? Михай, ну-ка верни мне гостевую карту.

Их было пятеро или шестеро — все «свои», все с коктейлями, расслабленные и смеющиеся. Таша и Диана, Толик и Толик, девушка с грудью, едва втиснутой в облегающее платье... Горыныч не знал её имени.

— Да мы тут пробегали, — радостно сообщил Михай. — А у меня кончился шпанский сироп, и я такой — эй, а не зайти ли к Толяну? Но у Толяна нет шпанского сиропа. И мы сперва заглянули в «Монта бра», а потом нам звонит Таша, и мы такие...

Горыныч направил на Михая руку, словно сжимая пульт от телевизора, и нажал воображаемую кнопку «выкл».

— Стоп, — велел он. — Мне плевать. Вы все, ну-ка напрягли извилины и сказали мне: как вспомнить больше информации о прошлой жизни? Кому-то это удалось?

Таша равнодушно потягивала из бокала что-то густое и белое. Толик и Толик, некрасивые, с резкими ломаными чертами и внимательными глазами, синхронно глянули на Горыныча, приподняв лица. Двинули бровями и заговорили одновременно, перебивая друг друга.

— Да мало кто.

— Раньше бывало.

— Валера вон лет пять помнит, не меньше.

— Или врет.

— Это тебе она врет, а мы с ней душа в душу.

— Нахуй пошел, умник.

— Сосни хорька, педрила. Если я сказал, что помнит, значит, помнит...

Горыныч прицелился пальцем в Толика и его вторую половину.

— Серьезно? — спросил он. — Пять лет из прошлой жизни? Как?

— У нее спроси, — Толики синхронно пожали плечами и, не чокаясь, выпили что-то прозрачное и желейно-густое.

Горыныч наклонил голову и стиснул пальцами виски. Он чувствовал себя, как человек, которому по одному выламывают зубы из челюсти.

— Она ни хера мне не скажет, — процедил он. — Ваша стерва даже не хочет признать, что это она меня тестировала, и хер знает, какие тараканы в голове ей это нашептывают. Может, если я...

Таша допила коктейль и отставила в сторону узкий бокал. Провела подушечкой пальца по губам, липким от напитка.

— Да.

Все оглянулись. Видимо, не ожидали, что она вообще подаст голос.

— Да, — сказала Таша. — Это она тебя тестировала.

Голос у нее был низкий, с сексуальной хрипотцой. Слишком взрослый голос для слишком юного тела.

Горыныч уставился на Ташу, не моргая.

— И? — жадно спросил он. — Зачем она это сделала?

— Это она тебя выбрала, — сказала Таша. Она не отвечала на вопрос — просто рассказывала, глядя куда-то мимо Горыныча. — Тебя не хотели распечатывать — мол, старый образец,тогда биосканеры работали через пень-колоду... Она подавала апелляцию раз сто. Она пропихнула твою кандидатуру. Она тебя курировала. Это всё она. Горыныч молчал.

— А теперь вали, — сказала Таша, взяв из рук Михая заново наполненный бокал. — Иди и разбирайся с ней, что там и как, потому что ты своим нытьем уже всех достал...

* * *

Первые минут семь, впустую запрашивая код гостевого доступа, Горыныч думал, что Валера ему не откроет. А потом входная дверь разблокировалась, и дверная ручка сама скользнула к нему в ладонь.

Валера сидела напротив экрана, заменяющего ей окно, и курила тонкую электронную сигарету. Пахло яблоком. Никаких возбуждающих составов, которыми пичкали своих служащих в департаменте развлечений — просто сигарета.

Экран мягко светился — на нем бушевала снежная буря.

— Давай, стервин сын, — сказала Валера, затягиваясь. Ее светлые волосы были заплетены в мягкую растрепанную косу. — Либо скажи мне что-нибудь приятное, либо проваливай.

— Я все знаю, — ответил Горыныч.

Валера опустила ресницы, выдыхая яблочный пар.

— Спорим, что не все?

— Это ты со мной спала.

— Так и знала, что Таша проболтается, — невозмутимо сказала Валера. Встала и прошлась по комнате, провела ладонью над туалетным столиком, выбирая помаду. — Ты был полуразобранный и без передней части черепа. Уверен, что это считается за секс?

— Зачем? — спросил Горыныч. — Зачем нужно было врать?

— Трудно быть женщиной и командовать департаментом, в котором у тебя не так уж много официальных полномочий, — сказала Валера. — Особенно если кто-то подрывает твой авторитет воплями «О, а мы с тобой спали, мы с тобой спали!»

— Это ты-то у нас женщина? — усмехнулся Горыныч. — Даже когда ты грустишь, глядя на снегопад, заплетаешь волосы в косичку и куришь яблочные сигареты, ты все равно остаешься вдвое большим мужиком, чем половина моих знакомых.

— Это потому что у меня херовое настроение, — пояснила Валера. — Женщина в херовом настроении может убить тебя шестью способами, используя вот эту сигарету и резинку для волос.

Горыныч засмеялся, сунув руки в карманы штанов, а потом сказал:

— Парни говорят, ты помнишь... — он помедлил. — Помнишь пять лет. До сканирования.

Валера молча открыла тюбик с помадой.

— Это правда?

Она выдвинула поблескивающий лиловый стержень, сглаженный на кончике. А потом сказала:

— Я много что помню. Мог бы и сам догадаться, какие воспоминания сканируются биопринтером лучше всего.

Валера развернулась к заснеженному экрану и размашисто написала на нем помадой первое слово.

— Те, что вызывают злость. Таша ненавидела долбаную виолончель с пяти лет, а её всё равно заставляли заниматься. Родителей не помнит, а виолончель — помнит.

Второе слово.

— Страх. Толик помнит больше, чем говорит вам. Кому охота рассказывать, что ты был накачанной медикаментами подопытной крысой?

Третье слово.

— Любовь. Михаю не повезло — плохой скан, у него в голове мало что уцелело... Но я-то

везучая.
Горыныч смотрел на надписи, сделанные помадой, и чувствовал, как внутри все немеет. У буквы «Л» в слове «Любовь» была очень правильная завитушка.
Очень знакомая.
— Ты мне снилась, — сказал он. И замолчал.
Валера уже распускала волосы и выдергивала из гардероба одежду. Переодеваться при Горыныче она не стеснялась.
— Это с тобой я тогда познакомился.
Это была не «Лана» и не «Лена».
«Лера».
Вот что было написано на его ладони — «Лера».
— Я — твоя большая и светлая любовь из другой жизни, — сказала Валера. — Той, которую ты не прожил. Ты рад?
Горыныч молчал. Валера застегнула молнию штанов, неприлично облегающих её задницу, и набросила блузку. Наклонилась к зеркалу, быстрым уверенным движением накладывая бежевую помаду.
Закончив, она обернулась к Горынычу. Колко взглянула снизу вверх.
— Пойдем, пройдемся.
Горыныч смотрел на нее, запоминая — вспоминая! — каждую черточку. Аккуратное лицо с маленьким упрямым подбородком. Слегка курносый нос. Фантастически очерченные губы. Серые, почти прозрачные глаза — как лед, намерзший на стекле.
Его великолепная самка с командорскими замашками и матовой помадой. Его «большая и светлая» из той версии прошлого, которая с ним не случилась.
— Можно я тебя поцелую? — спросил Горыныч.
— Во дурак, — протянула Валера. — Хочешь — целуй.
Губы у нее были и правда как розы — мягкие, не оторваться...
* * *
Они познакомились в две тысячи двадцать шестом. Трахались с огоньком, делили три работы и пять хобби на двоих... Черт знает, сколько они пробыли вместе. «Черт знает» — потому что Горыныча отсканировали в тот день, когда Валера оставила ему номер мобильника. Он видел её всего один раз — недостаточно, чтобы влюбиться. И уж тем более недостаточно, чтобы удержать её лицо в памяти, кое-как восстановленной биопринтером.
Для Горыныча еще не было их первого свидания, первого секса и других первых штук, из которых формируется любовь. Он и правда не мог вспомнить о своей жизни самого важного. Не мог, потому что самое важное с ним еще не случилось.
— Меня отсканировали пять лет спустя, — говорила Валера, шагая по закрученной дорожке парка. — Эти пять лет я помню. Остальное — нет. Как думаешь, у нас были дети?
Её поколению, первопроходцам-"распечаткам», было не так уж легко. Но в Валере обнаружился стержень, который не могли сломать никакие постлюди. Валера вошла в этот бизнес, как раскаленная игла в кусок масла. Валера поставила его на поток. Валера была куратором куда более чутким, чем Ларичкин, и только при ней доля истерик и срывов у «распечаток» — несчастных, оторванных от своего мира людей, — упала с шестидесяти процентов до пятнадцати.
А еще она хотела вернуть своего мужика. Валера двигалась к этой цели давно и

сосредоточенно, подавая множество запросов на его распечатку — не десятки, как думала Таша.

Тысячи.

— Знаешь, сколько лет мне потребовалось, чтобы тебя вернуть?

— Сколько?

— Семьдесят два.

Они шли между светящимися рождественскими гирляндами, а сверху падал снег. Почти настоящий, только химически подправленный, чтобы снежинки не таяли при комфортной для посетителей плюсовой температуре.

— Семьдесят дв... ох, блядь.

Она опекала людей-"распечаток», она клепала бизнес в сфере секс-услуг, она обновлялась биопринтерами так же, как обновляются местные, и сама уже давно считалась местной.

— Знаешь, куда деваются те, кто отработал контракт? — Валера запрокинула голову, глядя в небо. Снежинки медленно опускались на ее лицо, а она равнодушно убирала их пальцами. — Вот и я не знаю. Кто-то накладывает на себя руки, кто-то спивается, кто-то сбегает из города... У них нет цели, понимаешь? Им незачем тут жить, это не их мир. А у меня цель была... И я осталась.

Валера обладала целеустремленностью стрелы и упорством невесты на распродаже свадебных платьев. Вижу цель — не вижу препятствий. Захотела вернуть себе своего мужчину — вернула. Пусть и понадобилось на это семьдесят лет. Пусть он ее и не помнит вовсе...

— Помню, — Горыныч улыбнулся и поймал Валеру за тонкое запястье. Потянул, уверенно разворачивая её к себе. Под каблуками скрипнул химически-модифицированный снег. — Я тебя помню.

Он медленно провел пальцами по щеке Валеры. Прикоснулся к губам, как мечтал уже давно — провел по ним подушечкой большого пальца, сминая нижнюю.

— Зачем этот цирк? — спросил он. — Нельзя было сказать — «эй, мы встречались в прошлой жизни, хочешь снова попробовать»?

Валера поджала уголок рта.

— А ты бы поверил? — спросила она, и лицо у нее было непроницаемое. Лицо человека, который нагородил вокруг себя кучу рамок, и теперь пытается в них уместиться. — Ты должен был сам понять, чувствуешь ты что-то ко мне или нет. Хочешь меня вспомнить или нет...

Горыныч молчал.— Если бы ты не смог, — будничным тоном сказала Валера, — или влюбился в Ташу, или... мне было бы херово. Но это лучше, чем тебя принуждать.

Вместо ответа Горыныч сделал единственное, что должен был сделать — наклонился и прижался губами к её матовым, удивительной формы губам.

И никакого принуждения ему не потребовалось.

Валера была жесткой и упругой, как пружина. Ее трудно было удержать, и еще сложнее — подчинить, сжать в объятии, поцеловать её так, чтобы крышу снесло.

А потом пружина распрямилась, и Валера дернула его рубашку, чуть не содрав с нее пуговицы.

— Снимай.

— Тут снег, — усомнился Горыныч. Пальцами он тискал крепкие Валерины ягодицы, смяв их сквозь ткань. Умом понимал, что посреди парка сексом не займешься, но был не в силах

убрать руки. — Ты чего вытворя...
— Тут тепло, — бросила Валера, торопливо расстегивая его штаны. — Яйца не отморозишь.
— Тут люди.
— Они знают, что такое секс, только из книжек по истории.
— Они покупают оргазмы...
— А ты покупаешь вино. Это не значит, что ты понимаешь, как работает винодельня.
Люди шли мимо. Спокойные и равнодушные, веселые и нет, они в одинаковой мере уделяли внимание снегу, завиткам рождественских гирлянд и парочке, зажимающейся на обочине. Валера толкнула Горыныча, швырнув его задом на ближайшую лавку. Твердая спинка — дерево, похожее на пластик, или пластик, похожий на дерево? — ударила его по лопаткам, но Горыныч не почувствовал боли. Он обхватил Валеру руками, целуя её с жадностью — так, словно сейчас чей-то голос скажет: «нейротрансляция возможна, отрубай его».
И всё пропадет.
—... как ты в этом ходишь?
— Слабак. Ты бы на шпильках попробовал ходить...
Чтобы стащить с Валеры её облегающие брюки, им понадобилось две минуты, четыре руки и моральная помощь такой-то матери. Валера вцепилась пальцами в спинку лавки, нагибаясь над ней, а Горыныч спустил её брюки до самых колен, открывая подтянутый, восхитительно ложащийся в ладони зад. Трусики он стянул следом за брюками — мягкие и хлопковые, они совершенно не подходили кричащему, вызывающе сексапильному облику Валеры. Впрочем, даже без шелка и кружавчиков Горыныч хотел её так, что члену в штанах было больно.
Стыд атрофировался.
Еще там, в прозрачных «аквариумах», Горыныч понял простое и незыблемое правило нового мира: всем плевать, с кем ты и как ебешься. Но теперь смущение обжигающим перышком скользнуло по его внутренностям: люди вокруг, люди смотрят... Люди видят, как ты нагибаешь Валеру над лавкой.
Даже не понимая, что и как, они все равно пялятся, и от этого Горыныча обсыпало морозом, волоски на руках поднялись дыбом, словно от страха, но стояк никуда не исчез.
Обжигающее перышко пощекотало Горыныча еще секунду, а затем пропало.
— Давай, — выдохнула Валера. — Давай, давай уже...
Горыныч ухватил её за бедра, дергая на себя и сразу же до упора натягивая на член, ничуть не жалея и не давая привыкать. Валера вскрикнула — порывистая и несдержанная, она уже торопилась, толкаясь на хуй, и делала это так правильно... так, как Горыныч и мечтать не мог. От ощущения её тела под ладонями хотелось стонать без передышки, и Горыныч дернул бедрами, вбиваясь в нежное, обжигающе-горячее нутро.
Валера в ответ простонала и двинулась резче, сбиваясь с дыхания — то ли от крепкого члена внутри, то ли от собственной тягучей, терпкой на вкус охуенности. Горыныч навалился на нее сзади и смазанно поцеловал в шею, пройдясь по коже языком. Он плыл, он умирал от удовольствия — так, как с ней, не было и не могло быть ни с Ташей, ни с Дианой, ни с любой другой женщиной в этом стерильном мирке.
Он сжал ладонью горло Валеры, вынуждая её запрокинуть голову, подрагивая и еще секунду — или две? или три? — удерживаясь на тонкой грани между ожиданием и удовлетворением. А затем сорвался с нее и вскрикнул, наконец-то кончая.
... еще с минуту Горыныч хрипло дышал, уткнувшись носом куда-то за аккуратное ушко. Он

не спешил ни отлипнуть от Валеры, ни вытащить из неё обмякший член — только бездумно водил пальцами по её бледному бедру. А затем Валера потянулась, гибкая и совершенно расслабленная, снимаясь с члена и позволяя сперме потечь по ногам.

— Охуенно...

С неба падал нетающий снег.

На них пялились люди — люди внимательные и заинтересованные, люди пустые, как солонки без соли внутри.

Люди нового мира, не знающие, что такое секс.

— Ты долбанутая, — сказал Горыныч, быстро и неловко застегивая штаны. — Как бы я жил, если бы не встретил тебя в двадцать шестом?

* * *

Новый год в этом мире не праздновали.

Но какое им с Валерой было дело до «этого мира»?

— М-м-м.

— Давай никуда не пойдем?

— Работа...

— Новый год.

— Который не отменяет работу...

Валера засмеялась, злою кошкою прогибаясь под его телом, впиваясь ногтями в татуированные бока. Горыныч наклонился и поцеловал ее в живот, скользнув языком в аккуратную ямку пупка, провел влажную линию выше и поймал губами светло-розовый сосок. Валера подрагивала, послушно прогибаясь и раздвигая колени. Помедлив с минуту, она нетерпеливо заерзала, толкаясь бедрами и потираясь об его руки, хватая за плечи и вцепляясь пальцами так сильно, будто на них звериные когти, а не гладкие запиленные ноготки.

Горыныч привстал, с жадным вниманием рассматривая каждую черточку её тела. А затем наклонился, удерживая ладонями бедра Валеры, и жарко, неторопливо прошелся языком у неё между ног.

Валера стонала, томясь в горячем забытьи и не думая, кажется, совсем ни о чем. Уронила руки на простынь, но тут же не выдержала, смяла пальцами тонкую ткань, подрагивая от влажной, безумно откровенной ласки. Горыныч толкнулся языком вовнутрь, раздвигая нежные складочки, вылизывая её со звериным бесстыдством и человеческой настойчивостью. Может, постлюди и правы: секс — это грязно, но животное внутри Горыныча всё одобряло. Животному хотелось жаркую, доступную, сладко пахнущую спелыми яблоками и похотью сучку, хотелось её покрыть, пометить своим запахом и отодрать.

Они трахались, наконец-то никуда не спеша, и это был самый лучший и самый странный Новый год в жизни Горыныча.

* * *

— Блядь... от Михая восемнадцать сообщений, — он вышел из душа, одной рукой наспех вытирая волосы, а другой пролистывая новости в коммуникаторе. Помедлил, дочитывая сообщения, и поднял глаза на Валеру. — Серьезно?

Валера поняла, о чем он, но равнодушно повела плечом.

«Вы аааааагонь»

«Это она придумала?»

«Ссылка на файл...»
Их прилюдный секс разошелся в сети, как вирусный ролик Кока-Колы в начале двухтысячных.
«Мне тут рассказали...»
«Ребята в восторге»
«А-а-ахеренные продажи, у нас предзаказов на год вперед...»
«Интересно, Ларичкин одобрил такую рекламу своего продукта, или...»
— Ах ты пидараска, — осуждающе сказал Горыныч. — Ты сделала из нашего романтичного рождественского траха пиар-кампанию! — Признайся, ты восхищен, — усмехнулась Валера, усаживаясь на кровати. Совершенно голая, с волнистыми светлыми волосами, кое-как собранными в косу, она выглядела, как самое сексуальное исчадие ада.
— Боженька, — сказал Горыныч, посмотрев в потолок. — А можно мне нормальную бабу? Чтоб стирала трусы и готовить умела... — Ну, я умею включать плиту... это считается?
Ну и черт с ней, с готовкой — зато целовалась Валера лучше всех на свете.
— Я люблю тебя, женщина, — сообщил Горыныч, ведя подушечкой пальца по её лицу. — Хоть ты и ненормальная.
Валера засмеялась и потянулась губами к губам.
— Охереть какая романтика.
— Бля, можешь хотя бы раз дать МНЕ побыть циничным мужиком? — Если для того, чтобы побыть мужиком, тебе нужно разрешение...
— Стерва! Умопомрачительная стерва. Его персональная. Самое важное, что существует на этой Земле.